

После того как клан Линь получил эту усадьбу, она прошла через три поколения ремонтов, ухода и расширений. Не только увеличился размер лotosового пруда, но и были построены смотровые площадки вдоль озера, благодаря чему слава Двора Цзэчжи росла.

Были люди, которые хотели получить эту усадьбу у клана Линь, чтобы преподнести ее в дар удельным князьям и губернаторам, но по разным причинам эти планы так и не осуществились.

Когда Линь Яньхун был ребенком, он слышал об этом и думал, что удельные князья и губернаторы, вероятно, имели загородные усадьбы, которые были в сотни раз лучше Двора Цзэчжи, и поэтому не обращали внимания на этот маленький лotosовый пруд.

Позже, когда он вырос, он понял, что все было не так просто, как казалось на первый взгляд.

В то время новый император только что взошел на трон, и ему нужно было успокоить многочисленных родственников, переехавших в свои владения, а также усилить контроль над властью. Поэтому отношения между назначенными им губернаторами и местными удельными князьями стали крайне напряженными.

Если бы кто-то намеренно поднял вопрос о владении Двором Цзэчжи до уровня соперничества между удельным князем и губернатором, это не пошло бы на пользу ни одной из сторон.

Чтобы избежать такого «недоразумения», удельный князь и губернатор в разное время намекали, что Двор Цзэчжи — это место известного ученого, и хотя они восхищаются им, они не хотят отнимать его у владельцев.

Поскольку высшие чиновники высказались, те, кто хотел угодить, быстро «поняли намек» и перестали настаивать на передаче этой усадьбы.

Таким образом, Двор Цзэчжи, хотя и получил среди чиновников прозвище «четыре малые загородные усадьбы Юньяна: "Весенний Свет", "Летний Пруд", "Осеннее Долголетие" и "Зимний Аромат"», оставался частной собственностью клана Линь.

Кроме поэтических собраний и садовых вечеринок, которые устраивал сам клан Линь, в прошлые годы чиновники или частные лица часто арендовали эту усадьбу для проведения собраний любования лotosами, но никто не ожидал, что на этот раз даже удельный князь Чжэ упомянет о желании использовать ее.

На первый взгляд, удельный князь Чжэ хотел дать кандидатам, готовящимся к осеннему экзамену, возможность немного отдохнуть, пообщаться с другими и не замыкаться в себе, чтобы впоследствии добиться хороших результатов и служить государству.

Но его истинные намерения заставили Линь Яньхуна задуматься.

Потому что в памяти Линь Яньхуна удельный князь Чжэ никогда не устраивал поэтических собраний в Дворе Цзэчжи...

Зато несколько лет спустя губернатор провел там собрание, и именно тогда Линь Яньсин впервые проявил себя и начал набирать известность.

*

«Выходящий из тины, но не запачканный, омытый чистой водой, но не соблазненный, прямой внутри и снаружи, без лишних ветвей, на него можно смотреть издали, но нельзя

осквернять...»

*

Даже сейчас, когда Линь Яньхун мысленно повторял строки, написанные его сводным братом, он все еще находил их потрясающими.

Строки «Выходящий из тины, но не запачканный, омытый чистой водой, но не соблазненный» даже привели к тому, что Двор Цзэчжи был переименован в Покои Бужань, привлекая все больше литераторов и художников, приходивших полюбоваться лотосами.

Конечно, были и те, кто сомневался в Линь Яньсине, считая, что он, будучи еще юношей, не обладал ни широтой взглядов, ни жизненным опытом, необходимыми для создания такого произведения, и предполагая, что текст был написан кем-то старшим или другим человеком.

Но к тому времени Линь Яньсин уже заменил Линь Яньхуна и поступил в Академию Цинтун, и клан Линь, а также сама академия защищали его, поэтому такие слухи постепенно исчезли после того, как Линь Яньсин написал все больше и больше классических произведений.

Ведь один или два раза можно было списать на удачу, но десять или восемь раз — это уже не случайность. Если бы действительно существовал такой талантливый человек, разве он согласился бы вечно стоять в тени сводного брата?

Более того, некоторые стихи были написаны экспромтом, и даже те, кто сомневался, предлагали свои темы, но Линь Яньсин почти всегда отвечал безупречно.

Линь Яньхун признавал это.

Но когда он узнал после своей смерти о всех грязных делах, которые Линь Яньсин и госпожа Чжэнь совершали за его спиной, а также о смехотворных амбициях Линь Яньсина, он понял, что такие благородные строки действительно не могли исходить из уст этого наглого негодяя.

Линь Яньсин в то время был всего лишь напуганным ребенком, который даже не мог говорить, и, несмотря на свои способности, он определенно не мог написать такие стихи.

Тем более, что его состояние еще не полностью улучшилось, и дедушка с отцом, вероятно, не позволили бы ему в этот момент поехать в загородную усадьбу, поэтому у Линь Яньсина не было бы возможности проявить себя, как в «прошлой жизни».

Однако Линь Яньхун считал, что это к лучшему... Потому что таким образом Линь Яньсин не смог бы заранее познакомиться с удельным князем Чжэ и временно избежал бы неприятностей.

Удельный князь Чжэ явно преследовал какую-то цель, испытывая клан Линь, поэтому чем тише они будут себя вести, тем меньше подозрений вызовут у Ли Цичжэ.

Как только поэтическое собрание закончится, и удельный князь Чжэ не обнаружит ничего подозрительного, он временно оставит свои подозрения, и клан Линь будет в безопасности.

...

Однако, спустя полмесяца, Линь Яньхун снова получил письмо от отца и понял, что ошибся.

Линь Яньсин не только посетил Двор Цзэчжи, но и публично произнес строки, которые

вызвали восторг у ученых региона Юньшуй, а удельный князь Чжэ лично расспрашивал его, что сделало его центром внимания, затмив всех присутствующих студентов.

Но, в отличие от «прошлой жизни» Линь Яньхуна, Линь Яньсину было всего двенадцать лет, он только начал учиться, и никто не поверил бы, что он сам написал такое произведение!

Главное, что Линь Яньсин, отвечая на вопросы удельного князя Чжэ, настаивал, что это его собственное творение, и его высокомерное поведение только усилило скептицизм окружающих.

В письме отец Линь Фэн написал, что Линь Цюндэ, хотя и понимал, что Линь Яньсин не мог найти такого талантливого автора, все же был разгневан его поведением и после поэтического собрания поместил Линь Яньсина и госпожу Чжэнь под домашний арест, а также отругал Линь Фэна за его бездействие.

События в Дворе Цзэчжи быстро распространились по Юньяну, и уже появились люди, утверждавшие, что видели это произведение раньше, что только усугубило ситуацию.

Теперь Линь Яньсин стал известен раньше, чем в «прошлой жизни» Линь Яньхуна, но его слава была далеко не положительной. Линь Цзюань в Академии Цинтун подвергся насмешкам со стороны одноклассников, и его письма в резиденцию Линь только разозлили Линь Цюндэ, который чуть не применил домашние наказания.

Линь Тунши, которая раньше относилась к этому внуку с некоторой добротой ради госпожи Чжэнь, теперь, столкнувшись с проблемами Линь Цзюаня, сразу же изменила свое отношение, считая, что ее сын не только не сможет унаследовать семейное дело из-за Линь Фэна, но теперь еще и страдает из-за репутации его сына, что вызвало в ней ненависть.

Линь Яньхун, переживший все это, знал, что это стихотворение действительно было написано Линь Яньсином, и поэтому был еще более удивлен.

Он не ожидал, что его сводный брат обладает таким выдающимся талантом. Он думал, что его известность в шестнадцать лет уже была проявлением гениальности, но оказалось, что он скрывал свои способности еще несколько лет.

Только Линь Яньхун не понимал, почему Линь Яньсин решил проявить себя именно сейчас.

Если бы это произошло через четыре года, все было бы готово, и ему нужно было бы только поймать ветер, чтобы взлететь вверх.

Но сейчас, когда не было ни времени, ни места, ни поддержки, даже если Линь Яньсин действительно был талантлив, он неизбежно столкнулся бы с сомнениями.

Если бы Линь Яньхун был на его месте, когда удельный князь Чжэ спросил бы о происхождении стихотворения, он бы ответил скромно, сказав, что прочитал его в книге, нашел красивым, выучил наизусть, а затем, увидев пейзаж в усадьбе, вдохновился и добавил несколько строк.

Таким образом, он не только не испортил бы свою репутацию, но и подчеркнул бы интеллектуальную атмосферу клана Линь и проявил бы свои юношеские таланты.

Достаточно было бы легкого намека, чтобы все остались довольны.

Однако, вспоминая, как Линь Яньсин вел себя перед госпожой Чжэнь после его «смерти», Линь Яньхун понял, что это было проявлением его истинной натуры, и такие глупые поступки, возможно, не были случайностью.

Наставник Уцзюэ также слышал о ситуации, и хотя он не видел письма Линь Яньхуна, он понимал:

— Слухи исчезают перед мудрыми. Я верю, что со временем этот шум утихнет.

Он беспокоился, что Линь Яньхун может расстроиться из-за этого, поэтому попытался утешить его.

Линь Яньхун кивнул:

— Наставник, не беспокойтесь, я понимаю.

На самом деле Линь Яньхун не слишком переживал из-за этого — если Линь Яньсин смог развеять сомнения в «прошлой жизни», то в этой жизни он точно сможет заставить скептиков замолчать, написав одно за другим выдающиеся произведения.

Нельзя не признать, что настоящий талант не исчезнет из-за слухов и сплетен.

Просто сейчас время было неподходящим, и Линь Яньсину, чтобы доказать свои способности, придется столкнуться с гораздо большими трудностями, чем в «прошлой жизни».

Наставник Уцзюэ, видя, что Линь Яньхун, хотя и удивлен, но не расстроен, не завидовал таланту брата и не потерял достоинства из-за его репутации, стал еще больше ценить его.

<http://bllate.org/book/17693/1651327>